ПИТАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

© 2016 г. Светлана Михайловна Толстая

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация;
smtolstaya@yandex.ru

В статье рассматривается семантическая структура нескольких славянских лексико-этимологических гнезд, в которых представлены как значения, относящиеся к питанию, пище, кормлению, так и значения из области воспитания, взращивания (**pitati*, **kьrmiti*, **xovati*, **godovati*, **gojiti*, **xorniti*, **pasti*, **bergti*, **stergti*). Понятие воспитания, метафорически и метонимически производное от понятия кормления, может развиваться не только на основе мотива кормления, питания ребенка (**pitati*, **kьrmiti*), но и на основе мотива кормления, вскармливания, разведения домашних животных (**xovati*, **godovati*, **gojiti*, **pasti*). Оно может быть также основано на мотиве защиты, опеки, поддержания жизни, основной для гнезд **bergti*, **stergti*, **pasti*, **xorniti*, **xovati* и вторично присущей также остальным лексическим единицам.

Ключевые слова: взращивание, воспитание, кормление, лексическая семантика, опека, питание, пища, семантическая реконструкция, славянские языки

NUTRITION (*PITANIJE*) AND NURTURE (*VOSPITANIJE*) IN THE LIGHT OF THE SLAVIC LEXICON

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation;
smtolstaya@yandex.ru

The paper considers the semantic structure of several Slavic lexical-etymological clusters, which include meanings relating to nutrition, food, feeding, and meanings of the field of nurture and education at the same time (**pitati*, **kьrmiti*, **xovati* *godovati*, **gojiti*, **xorniti*, **pasti*, **bergti*, **stergti*). The notion of education, metaphorically and metonymically derived from the concept of feeding, can develop both on the basis of the motive of child nutrition (**pitati*, **kьrmiti*) and on the basis of the motive of feeding or breeding domestic animals (**xovati*, **godovati*, **pasti*). It may also be based on the semantics of protection, care, life-sustaining, which is inherent primarily for clusters **bergti*, **stergti*, **pasti*, **xorniti*, **xovati* and secondarily to other lexical units.

Keywords: care, education, feeding, food, lexical semantics, nutrition, semantic derivation, semantic reconstruction, Slavic languages

Хотя вынесенные в заглавие русские слова церковнославянского происхождения, широко употребительные в современном узусе, относятся к совершенно разным понятийным сферам, семантическая связь между ними для носителя русского языка устанавливается без особого труда. *Питание* в основном своем значении — *nomen abstractum* от каузативного (по отношению к глаголу *есть*) глагола *питать*. Поскольку питание является условием поддержания жизни, оно предполагает заботу о том, на кого направлено действие. Прежде всего имеются в виду дети, которых родители до определенного возраста кормят и воспитывают, т. е. вскармливают не только физически, но и умственно и духовно. Следовательно, понятие воспитания метафорически или, скорее, метонимически производно от понятия кормления-питания. Людям приходится заботиться не только о своем потомстве, но и о поддержании жизни домашних животных (прежде всего скота), поэтому лексика питания

и воспитания-взращивания применительно к людям и животным имеет много общего, хотя имеет место и тенденция их разграничения (например, слова *кормить*, *корм* во многих славянских языках применяются только к скоту). Семантическая связь между понятиями питания-кормления и воспитания-взращивания потомства (как человека, так и домашних животных) прослеживается не только в лексике гнезда **pitati*, но и в ряде других этимологических гнезд, где также представлено сочетание «пищевых» и «воспитательных» значений; причем, как правило, эти гнезда обнаруживают и другие общие значения, неотделимые от понятия поддержания жизни (прежде всего значения 'охранять, беречь, защищать' и далее — 'пестовать, следить, ухаживать' и т. п.). Рассмотрим последовательно материал разных гнезд и попытаемся определить место интересующих нас значений в соотношении с другими значениями в разных славянских языках и диалектах.

1. **pitati*. Для праславянского реконструируется несколько типов глагольных основ этого гнезда: помимо *a*-основы **pitati* (*se*), это ятевый глагол **pitěti* (*se*): ст.-слав. *питѣнне*, др.-русск. *питѣти* (*сѧ*), *питѣнне*, русск. ц.-слав. *питѣюся* «ращу в неге»: «Отроча *питѣющеся*» [САР, 4: 821], затем атематический глагол ***pisti* (← *pit-ti*), представленный страдательным причастием *pitomъ* (болг., макед., серб.-хорв., словен., ст.-чеш., словац.) в значении 'накормленный, вскормленный' и далее дериваты этого причастия (ср. русск. *питомец*, *питомник*), а также *pišt'a* и ее дериваты¹. Наиболее убедительной этимологической версией следует считать возведение этих глаголов к реконструируемому причастию **pitъ* от глагола **piti* с исходной нерасчлененной семантикой питья-питания (ср. др.-инд. *pītu-* 'пища, напиток') [ESJS, 11: 647], объясняемой прототипической ситуацией грудного вскармливания детей (ср. русск. ц.-слав. *сосцетуюта*, *сосцетательный* [САР, 4: 822]).

Диффузность семантики питья-пищи подтверждается и некоторыми позднейшими дериватами праславянских **pitati* и **piti*, нивелирующими в своей семантике границу между питьем и питанием, ср. общеславянское **pirъ*, русск. *впитать* / *впитывать*, *пропитать* / *пропитывать*, *напитать* (прежде всего о жидкости), русск. диал. орл. *питать* 'вбирать в себя; впитывать': «Растёр да трёх рас, и тада ни сталь уже *питать*» [СОГ, 9: 103]; арханг. *питейное горло* 'пищевод', карел. *питаться воздухом* 'дышать': «Стара стала, худа, уж и *питаться* воздухом скоро не смогу, смертушку жду» (ср. *пить воздух*), курск. *питёра* 'обжора' [СРНГ, 27: 52—53], блр. тур. *пиць* 'склевывать зерно в колосьях (о птицах)' [ТС, 4: 53], то же серб. *питу* 'кљувати (о птицима)' [РСХКJ, 4: 437]².

В славянских языках глагол **pitati* имеет весьма ограниченное распространение. Он известен в старославянском, русском и отчасти в южнославянских языках (включая диалекты) и практически неизвестен западнославянским, украинскому и белорусскому языкам, где основными глаголами питания служат: польск. *karmić*, *żywić*, чеш. *živit*, *vyživovat*, словац. *vyživovat'*, укр. *годувати*, *живити*, блр. *жывіць*, *сілкаваць*. Но и в южнославянских языках глагол **pitati* не является основным обозначением соответствующего понятия, уступая другим лексемам: болг. *храня*, макед. *јадев*, серб.-хорв., словен. *hraniti*, и отличается суженым или специализированным значением: болг. *питая* 'питать', 'чувствовать, ощущать', *питателен* 'питательный', *питомен* 1. 'прирученный (о животных)', 2. 'культивированный' (о растениях), *питомец* 'питомец, воспитанник'; *възпитам* 'воспитать', *възпитание* 'воспитание'; *възпитател* 'воспитатель' и т. п.; макед. *питом* 1. 'прирученный, ручной, домашний', 2. перен. 'кроткий, тихий', *питомец* 'питомец, воспитанник', *питоми* 'приручать'; *воспита*, *воспитува* 'воспитать, воспитывать', *воспиталиште* 'воспитательное учреждение',

¹ Не исключено, что в праславянском могли существовать и другие оформления данной основы, поскольку «разноосновность» вообще была характерна для праславянского глагола [Толстая 2006].

² Дальнейшее расширение семантики **piti* находим в сербском, где глагол может относиться не только к питью жидкости, но и к другим видам «поглощения», и иметь следующие значения: 'впитывать', 'всасывать', 'вдыхать', 'воспринимать запах', 'внимательно слушать, внимать', 'смотреть не мигая' (ср. русск. *поедать глазами*), 'наслаждаться чем-л.' [РСХКJ, 4: 438].

воспитание ‘воспитание’, *воспитаник* ‘воспитанник’, *воспитател*, *воспитач*, *воспитувач* ‘воспитатель’, *воспитен* ‘воспитательный’; словен. *pitati* ‘откармливать (на убой)’, *pitana* ‘упитанный, толстый’, *pitanje* ‘откармливание, кормление’, *pitoven* ‘откормленный’, *pitovna živina* ‘откормленный скот’. Наиболее устойчивым элементом этого гнезда в разных языках оказалась форма страдательного причастия **pitomъ* от незасвидетельствованного атематического глагола **pistiъ*: болг. *питом* ‘взращенный, воспитанный человеком’, диал. ‘обработанный’ или ‘пригодный к обработке’ [БЕР, 5: 267], чеш. морав. *pitomý* [Bartoš 1906: 290], укр. *питимий*, *питомий* ‘свой, родимый, близкий’ [ЕСУМ, 4: 380], русск. диал. пск., твер. *питомок* ‘приемыш в доме’, онеж. *питомство* ‘питание’ [СРНГ, 27: 53—54]⁴.

Как видно даже из этого краткого обзора, в семантическом спектре гнезда **pitati* имеются два полюса — на одном концентрируются исходные «пищевые» значения (иногда ограниченные сферой скотоводства), на другом — «социально-этические» значения, акцентирующие характер отношений между субъектом и объектом прототипического действия «питать» и его главную цель — поддержание жизни, причем семантика, тяготеющая к «пищевому» полюсу, постепенно сужает свое поле, а семантика противоположного полюса, наоборот, его расширяет, утрачивая или специализируя прямые значения. Одновременно с этим глагол из семантического класса занятий переходит в класс деятельности, а затем воздействий, отношений и свойств.

Наиболее полно семантический спектр глагола **pitati* представлен в русском языке и его диалектах, где также имеет место отмеченная тенденция отхода от прямых пищевых значений. Показательно в этом отношении толкование глагола *питаю* в «Словаре Академии Российской»:

1. Кормлю, доставляю кому пищу, снабждаю пищею. Питать детей. Птицы питают птенцов своих; 2. В славянском языке инде значит: нахожусь при ком дядькою, пестуном; имею присмотр за чьим воспитанием. Остави Лисию человека славна питати Антиоха сына своего, дондеже возвратится сам; 3. Говорится в отношении к вещам способным к питанию, к рощению, к продолжению существования чьего-либо. Пища питает тело. Добрая земля питает растения; 4. Относительно к наукам значит: способствую к усовершенствованию разума, к большему просвещению. Науки юношей питают, отраду старым подают [САР, 4: 819].

«Непищевые» значения представлены уже в древнейших текстах: в Супрасльской рукописи отмечено *питати* в значении ‘воспитывать’: «Живѣаше в чистотѣ, *питаѣ* дѣти своа въ наказании и оучении Господьни», а *питатисѣ* наряду с ‘питаться, кормиться’, ‘получать средства к жизни’ — в значении ‘наслаждаться’, ‘роскошествовать’, ‘быть любимым, пользоваться ласкою’ [Срезневский, 2: 942]⁵.

Однако в диалектах известны и другие оформления глагольной основы (ср. тул., орл. *питавить*, калуж. *питаить*, ворон. *питывать* [СРНГ, 27: 53—55; СОГ, 9: 103]) и другое направление семантической деривации — от конкретного занятия к объекту действия, например, *питание* ‘блюдо, отдельное кушанье’: «Люблю постное масло во всяком *питании*, во все харчи»; ‘продукты, продовольствие’, ‘еда, пища’ (моск., пск., ворон., кемер.), хотя

³ Эту форму обычно считают страдательным причастием настоящего времени от глагола **pitati*, однако такие формы стандартно образуются не от *a*-глаголов, а от атематических глаголов, ср.: *несомый*, *влекомый*, *пасомый*, *рекомый*, *лакомый* (< **alkti*).

⁴ Русск. иван. *питомый* ‘вскормивший, воспитавший кого-либо’: «Еще раз, моя *питомая*, прикоснись к тебе головушкой, испрошу у тебя благословеньица, благословеньица со прощеньицем» [СРНГ, 27: 53], вероятнее всего, представляет собой вторичное оценочное образование, утратившее связь со страдательным причастием, подобное укр. *питомий* ‘родимый, близкий’.

⁵ Если последнее значение (‘быть любимым, пользоваться ласкою’) находит подтверждение в других славянских языках и может считаться органическим продолжением значения ‘воспитывать, пестовать’, то предыдущие два носят «случайный» характер, не являются продуктом семантической деривации, а обязаны, по мнению Срезневского, смешению греч. глаголов τρωφῶν и τρεφῶμαι [Срезневский, 2: 942].

у *питать* известны и «общие» значения — ‘содержать, обеспечивать’ (волог. «Своих робят надо было *питать* да чужих трое» [СВГ, 7: 61]; арханг. «Я не училась, некогда было: *питала* сама себя» [СРНГ, 27: 52—53]) и ‘воспитывать’ (карел. «Она хотела парня решить, но она его не решила, а *питала*» [СРГК, 4: 521]).

2. **кърмити*. В отличие от **питати*, глагол **кърмити* не имеет существенных ареальных ограничений и известен в той или иной степени всем славянским языкам: ст.-слав. *кърма* ‘пища, корм’, *кърмити* ‘кормить, питать’, *кърмление* ‘кормление’, *кърмленикъ* ‘грудной ребенок’, *кърмилъць* ‘пестун, воспитатель’, *кърмля* ‘корм, пища’, *накърмити* ‘накормить, насытить’, *прекърмити*, *въскърмити* ‘взрастить, воспитать’; болг. *кърмя*, макед. *кърми*, серб.-хорв., словен. *kŕmiti*, словац. *kŕmit*, чеш. *kŕmit*, в.-луж. *kormić*, н.-луж. *kjarmiš*, польск. *karmić* (*się*) ‘кормить(ся), питать(ся)’, *karmowu* ‘кормовой’, *pokarm* ‘пища’, ‘корм’, *pokarmić* (*się*) ‘покормить(ся)’, *pokarmowu* 1. ‘пищевой’, 2. ‘кормовой’; *karma* ‘корм для скота’, кашуб. ‘корм для скота’; *karmia* ‘корм, еда, питание, пища’; укр. *кормити*, *кормити* ‘кормить’; *кормига* ‘иго, ярмо, власть’, *під кормигу підгорнути* ‘подчинить под власть’ [Гринченко, 2: 285]; блр. *карміць*, диал. туров. *карміць*: «Богатому то й чорт дзеці *карміць*»; *кормля* ‘яда, харч’; *кормны* ‘откормленный’: «Возіў *кормных* свіней у Пінск» [ТС, 2: 219]; русск. *кормить* ‘кормить, питать’, ‘вскармливать грудью’ и др. (подробнее ниже).

В семантическом отношении эти глаголы различаются классом предиката, а именно: **питати* — это глагол занятия, деятельности, состояния (он в принципе не имеет актуально-длительного значения), тогда как **кърмити* — глагол прежде всего действия. Но более существенно то, что **кърмити* применяется как к человеку, так и (или даже в большей степени) к животным (в ю.-слав., кроме словен., только ‘кормить скот’), тогда как **питати* — как правило, к человеку. Поэтому у **кърмити* изначально меньше внутренних возможностей развивать «воспитательные» значения, чем у **питати*. Однако оба эти различия часто нейтрализуются. Глагол **питати* может употребляться в том же значении «действия», что и **кърмити*: ср. русск. диал. *питайтесь!* и *кормитесь!* как тождественные формы приглашения к угощению, а *кормление* — в значении ‘питание’: русск. диал. карел. : «Уж тридцати пяти рублей на *кормление* хватит» (о человеке), *кормовать* ‘питаться’: «Я все дома *кормовала*»; *корм* означает прежде всего ‘корм для скота’: «Теленок уж белого *корма* не ест, это солома с овса, пшеницы, ржи», но может употребляться и в значении ‘пища человека’: *довольный корм* ‘хорошее питание’ [СРГК, 2: 430—431], сиб. *кормля* ‘еда, пища’: «Какая раньше *кормля* была? Хлеб да картошка». Оба глагола развивают в дальнейшем значение ‘ухаживать, вскормленный, выпестованный, домашний, благородный (в оппозиции к *дикий*)’: русск. карел. *кормны* ‘домашний’: «Нет, не дики, *кормны* олени у них, не дики» (ср. выше с тем же значением *питотъ*) и т. д. С другой стороны, **кърмити*, так же как и **питати*, может получать значения ‘доставлять пищу’, ‘содержать’, ‘воспитывать’ (главным образом в русском языке): др.-русс. *кърмити* — ‘питать, кормить’ и ‘воспитывать’: «*кормаци* ѿна своего до мужества и до возраста его» Пов. врем. лет; *кърмичичь* ‘дядька, воспитатель’ [Срезневский, 1: 1406], русск. диал. карел. *кормить* ‘держатъ, иметъ в хозяйстве животных и птиц’ [СРНГ, 14: 235—237], *кормить подолом* ‘кормиться подаваемым’, *кормить свою голову* ‘жить за свой счет’: «Я с семи лет *кормлю* свою голову» [СРГК, 2: 431]; перм. *скормить* ‘вырастить’: «*Скормила* парношко и в армию отдала» [СПГ, 2: 346], сиб. *кормом кормить* ‘содержать кого-либо’: «Мы сироты оставались, нас леля взяла, она нас *кормом кормила*» [СГРС, 2: 117] и т. п.

С глаголом **кърмити* связаны две нерешенные проблемы. Первая касается этимологии. Все согласны, что это отыменное глагол, производный от имени **кърма*, имеющего надежные и.-е. связи. Но этимологи реконструируют для праславянского два имени: **кърма I* ‘корма лодки’ и **кърма II* ‘корм’, считая их омонимами. Между тем О. Н. Трубочев, вопреки общему мнению⁶, допускает родство этих имен:

⁶ Ср. мнение известного чешского этимолога Э. Гавловой: «Совершенно неправдоподобно мнение Трубочева о тождестве <*кърма* ‘корма’> с **кърма* ‘корм, пища’ и о том, что значение ‘кормовое весло’

У истоков значения ‘корма, кормовое весло’ лежало, думается, уже готовое значение ‘корм, скармливание’. Можно предположить, что погружение в воду кормового весла — важнейшего корабельного весла — понятийно соприкасалось с магией кормления, задабривания опасной водяной стихии. Лишь готовое значение ‘корм, пища’ позволительно в таком случае уже прямо возводить к известному глагольному корню и значению **(s)ker-* ‘резать’ [ЭССЯ, 13: 221—222].

Хотя вопрос окончательно не решен, следует, мне кажется, с вниманием отнестись к мнению О. Н. Трубачева, отличавшегося особой этимологической интуицией и пронищательностью, и при оценке его мнения учесть новые диалектные данные (особенно русские), показывающие широкий спектр «рыболовных» значений *кормы* и, в частности, распространенное значение ‘вход в невод’, ср. смол. *корма* ‘вход для рыбы в рыболовную снасть (бредень)’ [ССГ, 5: 80].

Вторая, не менее сложная проблема относится именно к русскому языку и касается слова *кормление*. В истории русского языка это не только абстрактное имя от глагола *кормить* в его прямом, «пищевом» значении, но и юридический термин, означающий право сбора дани и налогов в той или иной местности. Согласно БАС, *кормление* — «На Руси XIV—XVI вв. система обеспечения и формы вознаграждения центральной и местной княжеской администрации» [БАС, 5: 1435]. По определению И. И. Срезневского, в древнерусском *кърмление* — ‘питание’ и ‘собираение дани, податей, управление’, *кърмля* — ‘пища’ и ‘пользование содержанием, доходом’, *кърмь* — ‘пища’, ‘род подати’, ‘содержание’, ‘угощение, пир’ [Срезневский, 1: 1406—1408]. С одной стороны, связь слова *кормление* с «пищевым» глаголом *кормить* представляется вполне прозрачной, так как глагол мог иметь, как мы видели, и вне юридического контекста вторичное значение ‘содержать, обеспечивать существование’; это значение поддерживается и семантикой еще недавно употребительного слова *содержание* в значении ‘жалованье’ или ‘обеспечение средствами жизни’ (ср.: *содержать престарелых родителей, денежное содержание, жить на содержании у кого-л.*). С другой стороны, из самой исторической практики вытекает, что разрешение «кормиться» податями с той или иной местности означает в сущности управление ими, т. е. *кормить* может пониматься и как ‘управлять’. Но в таком случае *кормление* сблизится с такими словами, как *кормило*, *кормчий*, которые производны от *корма* ‘задняя часть судна’ и для которых смысл ‘управление’ является центральным, а также со словами церковного обихода *окормлять* ‘направлять, путеводительствовать, наставлять’, *окормитель* ‘кормчий, вождь, путеводитель’ [СЦСРЯ, 3: 59—60], которые в свою очередь представляют собой результат метафорического переноса семантики управления в судном.

В конце 80-х гг. XIX в. среди русских историков и филологов проходила горячая дискуссия об историческом значении слова *кормление* — означает ли оно существование власти за счет поборов с мест или же должно пониматься как руководство данными им в управление местами? Как это нередко бывает, дискуссия о значении слова получила идеологическое осмысление и обернулась противостоянием патриотически настроенных государственников и научно мыслящих историков. Суть этого спора подробно изложил В. В. Виноградов в докладе «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования», прочитанном в Ленинградском университете в ноябре 1945 г.⁷

В. В. Виноградов приводит слова П. Д. Голохвастова, адресованные историкам (Чичерину, Иловайскому, Ключевскому):

Признавая себя (страну) живым кормом (бояр — потребителями, а государя — распорядителем кормежки), они отрицают себя как государство, признают себя за стадо, которое жалует волкам пастырь-наемник, пастырь-волк в овечьей шкуре (Русский архив, 1890, № 6, с. 238—239).

могло появиться из магической практики опускания кормового весла в воду при начале плавания с целью символического усмирения и “кормления” водяной стихии» [ESJS, 6: 376].

⁷ Текст доклада был опубликован дважды — в первоначальной версии [Виноградов 1995] и в более поздней версии с дополнениями и сокращениями [Виноградов 1994].

Ответ на подобные нападки дал В. О. Ключевский, объяснивший, что

кормлениями... назывались в древней Руси судебно-административные должности, соединенные с доходом в пользу должностных лиц, который получался ими прямо с управляемых... Этот доход носил общее название *корма*, соответствующее нынешнему канцелярскому термину «содержание»; отсюда и доходная должность получила название *кормления*. Так понимали это слово, если я не ошибаюсь, все ученые исследователи русской истории (Письмо к издателю // Русский архив, 1889, № 5, с. 138; цитаты приводятся по [Виноградов 1994; 1995]).

Таким образом, обе проблемы — этимологическая и историко-лексикологическая — оказываются тесно связанными, но эта связь поддерживается не этимологической общностью праславянских лексем **kьrma* ‘пища’ и **kьrma* ‘часть судна, корма’, а ходом семантического развития и исторического узуса «пищевого» глагола *кормить(ся)*, который закономерно развивает значения ‘содержать, обеспечивать (себя)’.

3. *xovati. Связь понятий питания и воспитания прослеживается и в праславянском глаголе **xovati*, от которого образована основная лексика воспитания в западнославянских языках, а также в украинском и белорусском, ср. ‘воспитывать’: польск. *wychowywać*, чеш. *vychovávat*, словац. *vychovávat*, укр. *виховувати*, блр. *выхоўваць*; ‘воспитание’: польск. *wychowanie*, чеш. и словац. *výchova*, укр. *виховання*, блр. *выхаванне*. В этом глаголе соотношение понятий питания и воспитания иное, чем в предыдущих: если в **pitati* пищевая семантика относилась преимущественно к человеку, а у **kьrmiti* она затрагивала также сферу ухода за домашними животными (и в некоторых областях славянского мира ею ограничивалась), то в случае с **xovati* парадоксальным образом лексика со значением воспитания оказалась производной от «пищевого» глагола, относящегося не к питанию человека, а главным образом к кормлению и содержанию животных. К питанию людей **xovati* применяется сравнительно редко, и в основном это диалектные употребления: польск. диал. *chowa* ‘средства к существованию’, *chować się* ‘питаться, кормиться’: «Sугум od owieczek chowo sie syneczek» (Овечьим сыром кормится сыночек); *chowanie się* ‘питание, кормление; провиант, харч’ [SGP, IV/1 (10): 47—50]; *chować się* ‘расти, жить, оставаться в живых (о детях и животных)’: «Z sześciorga dzieci tylko dwoje się chowało» (Из шести детей только двое осталось в живых) [WSPR: 100]; чеш. диал. *chóva* ‘пища, пропитание’: «Та chóva naša koštovala na dzeň výše zlatovky» (Это наше пропитание стоило в день больше золотого); *chovać še* ‘питаться, кормиться’: «Chovii še sama» (Содержи себя сама) [КЧДС], ляш. *chovać še* ‘то же’: «Ve žniva še dobre chováli = dobre jedli» (Во время жатвы хорошо питались), *chovaňi* ‘пища, еда, корм’ [Kellner 1949: 181].

В подавляющем же большинстве употреблений глагол **xovati* относится к скотоводству: укр. *ховати* ‘выкармливать, воспитывать’, *ховатися* ‘выкармливаться’: «Худоба буде добро ховатися», *хований* ‘вскормленный, ручной’: «Вовк хований», *ховання* ‘воспитание’: «Худоба свого ховання» [Гринченко, 4: 406]; блр. *хаваць* ‘держатъ скотину’: «Я ужо каровы не хаваю» [СПЗБ, 5: 274]; польск. *chować* ‘выращивать, разводить (кур, цыплят, кроликов и т. п.), держать коров и т. п.’, *chow bydla* ‘разведение скота, животноводство’; польск. диал. *chowa* ‘содержание скота’, ‘скот’, *drobna chowa* ‘домашняя птица’, *mala chowa* ‘молочняк’; *chowanie się* ‘скот (коровы, кони и т. д.)’ [SGP, IV/1 (10): 43—50]; кашуб. *chovac* ‘кормить, ухаживать за скотом’: «Naša něnka xov’e v’ele kačkov i kur» (Наша матушка держит много уток и кур) [Sychta, 2: 51]; чеш. *chovati (dobytek)* [PSJČ, 1: 1069], диал. *chovat* ‘разводить, держать скот’, *chov dobytka* ‘разведение, содержание скота’ [КЧДС]; морав. *chovat dobytek* ‘держатъ скотину’: «Chová si páru koní a páru volů» (Держит пару лошадей и пару волов) [Bartoš 1906: 120]; словац. *chovat* ‘разводить (о животных, овощах, фруктах и т. п.)’, *chovateľ dobytky* ‘скотовод’, *chovateľ včiel* ‘пчеловод’ и т. п. [SRPS, 1: 225].

Этот парадокс объясняется тем, что семантика питания в этом этимологическом гнезде, в отличие от двух предшествующих, скорее всего является вторичной, производной от ‘вращения, ухода (за животными, растениями, детьми)’, тем более что одним из основных

значений здесь оказывается смысл ‘прятать, защищать, оберегать’ (вторично также ‘хоронить’), который естественно дает семантику ‘ухаживать’, ‘пестовать’, ‘выхаживать’, ‘содержать’, ‘разводить (скот, растения)’; см. подробнее [Толстая 2009]. Что же касается семантики воспитания, то она в данном случае не может считаться производной от питания, а естественно продолжает и дополняет смысловой комплекс взращивания, пестования, ухода.

Аналогичным путем, т. е. на базе семантики взращивания, ухода, содержания скота (или вообще потомства, в том числе детей), возникает метафорически мотив воспитания в двух других праславянских глаголах — **godovati* и **gojiti*. Тем не менее в их семантическом спектре тоже представлена семантика пищи и кормления.

4. **godovati*. Распространение глагола в интересующих нас значениях ограничено восточнославянской территорией; его проникновение в польский язык объясняется украинским влиянием [Brückner 1957: 172; Boryś 2005: 194]. Будучи производным от праславянского **godъ*, глагол имел закономерное основное значение ‘соблюдать, почитать, праздновать (день, праздник)’ [ЭССЯ, 6: 190—191; Šivic-Dular 1999], ср. ст.-польск. *godować* ‘праздновать’ [Boryś 2005: 194], кашуб. устар. *godovac* ‘праздновать Рождество’ [Sychta, 1: 335]. В русских диалектах *годовать* имеет следующие значения: ‘выращивать, вскармливать, воспитывать’: курск. «Кабана *годовала* под самую войну», пск. «Ночью телился [теленок], будет он в зиму пускаться, *годовать* его будут»; ‘откармливать животное на убой’ (курск., орлов., тул., калуж.); ‘вскармливать, воспитывать (о детях)’: курск. «Сама детей *годовала*, в люди произвела»; ‘кормить, угощать’: сарат. «Придет — не знают уж чем его и *годовать*: и едова и поила всякого на стол наставят» [СРНГ, 6: 271].

Более отчетливо семантика питания и воспитания проявляется в украинском языке, где *годівля* ‘корм, кормление’: «На *годівлю* птиці треба багато зерна»; *годованець* 1. ‘воспитанник, вскормленник’: «Приняв був до себе якогось сироту Петра за *годованця*», 2. крестьянин, который завещает кому-либо свое имущество, за что наследник должен до смерти кормить и поить завещателя, 3. животное, откармливаемое на убой; *годування* 1. ‘кормление’, 2. ‘воспитание’, 3. ‘откармливание’; *годувати* 1. ‘кормить’: «Багач ся дивує, чим убогий діти *годує*», 2. ‘пропитывать, вскармливать’: «Тяжко дітей *годувати* у безверхій хаті», 3. ‘откармливать’: «*Годують* на сало»; *годуватися* 1. ‘кормиться, пропитываться’: «Багатий *дівується*, як убогий *годується*», 2. ‘кушать, есть’. Употребляется преимущественно в выражении, которым «припрашивают» гостей: «Не турбуйтеся, люде добрі, *годуїтесь* на здоров’я» [Гринченко, 1: 298—299]. Ср. последний пример с приведенными выше аналогичными контекстами угощения для **pitati* и **kьrmiti*.

В белорусском языке *гадаваць* имеет значения: 1. ‘растить детей’, ‘разводить домашних животных и растения’; *гадавацца* ‘расти, воспитываться (о детях, животных, растениях)’, *гадаванец* ‘воспитанник’, *гадавальнік* ‘заповедник (растений, животных)’ [ТСБМ], т. е. прямых мотивов пищи, питания, кормления не обнаруживает. То же можно сказать о белорусских диалектах. Так, в говорах северо-западной части Белоруссии *гадаваць* означает 1. ‘воспитывать, растить детей’: «Ён нас усіх *гадаваў*», 2. ‘разводить, выкармливать (о скоте, птице, рыбе, пчелах и т. п.)’: «Мы не *гадавалі* гусей»; «Трудна пчол *гадаваць*»; *гадавацца* ‘расти, воспитываться’: «Гэтак мы *гадаваліся*» [СПЗБ, 1: 400], хотя в Туровском словаре приводится, наряду с другими, значение ‘кормить’: «Ходзем свінья *годоваць*» [ТС, 1: 210]. Семантика питания отражена также в историческом словаре белорусского языка, причем для глагола *годувати* пищевое значение указывается на первом месте: *годувати* 1. ‘угощать, кормить’, 2. ‘растить, воспитывать’; *годованьне*, *годованне* ‘угощение, кормление’ [ГСБМ, 7: 27].

5. **gojiti*. Еще один глагол (и все гнездо, к которому он относится), сочетающий в себе семантику питания и воспитания, — **gojiti*. Он имеет общеславянское распространение и отличается от рассмотренных выше глаголов особым ракурсом восприятия и способом

категоризации ситуации кормления-питания с точки зрения объекта воздействия — делая главный акцент на цели и результате действия, т. е. на пользе, доставляемой объекту, откуда наиболее распространенная семантика — ‘уход, пестование, преобразование, улучшение, исцеление’ и т. п., ср. русск. диал. *гойть* ‘улучшать, ухаживать, холить, делать годным’, ‘приводить в порядок’: «Надо бы избу *гойть*, да недосуг все»; ‘очищать зерно от мякины и сора’, ‘расчищать что-либо’, ‘делать годным для пользования’: «*Гаить* дорогу», «*Гаить* луга», ‘удобрять’, ‘хорошо обрабатывать’, и даже ‘любить, ласкать, ухаживать’, *гойться* ‘ухаживать за скотом’, ‘готовиться к чему-либо’, ‘строиться’ и т. п. [СРНГ, 6: 279—280]. Уже из этих примеров видно, что объектом воздействия в данном случае могут служить как люди (без специального акцента на детях), так и животные и предметы (артефакты). В отдельных языках актуализируются разные аспекты этой семантики. Так, в западнославянских языках глагол **gojiti* относится почти исключительно к залечиванию, исцелению, заживлению (ран): польск. *gojić* (*się*), чеш. *hojit* (*se*), словац. *hojit'* (*se*), в.-луж. *gójś*; эта семантика известна и украинскому и белорусскому языкам, а также некоторым, прежде всего южным и западным, говорам русского языка: укр. *гойти*: «Трудно рану *гойти*, а не вразити», *гойтися* ‘заживать, залечиваться’, *гойння* ‘залечивание, заживление’ [Гринченко, 1: 299], блр. *гаіць, гоіць, гоіцца* с теми же значениями [ТСБМ; СПЗБ; ТС], русск. диал. *гойть* ‘заживлять (раны), излечивать’ [СРНГ, 6: 279].

Чисто пищевая семантика представлена в русских диалектах: *гойть* ‘кормить’: «А хлеба нет, чем детишек *гойть*» [СГРС, 3: 64], ‘хорошо кормить, холить’, ‘угощать’: «Нас шибко *гойли*», т. е. радушно потчевали в гостях, угощали, «Хорошо ли вы *гойли* гостя?» (перм., волог., сиб., урал., том.) [СРНГ, 6: 279], а также болг. *гойя* ‘откармливать, пичкать’, *гой се* ‘жиреть, толстеть’, *уговям* ‘откармливать’ (животное или человека) [РСБКЕ, 1: 198, 3: 466], макед. *гой* ‘откармливать (скот, птицу)’, *гой се* ‘отъедаться, жиреть’, *згоен* ‘откормленный’ [Мургоски 2005: 114, 233]. В западной части южнославянского ареала мотив физического питания, кормления и насыщения выступает наряду с мотивом воспитания и ухода, а в отглагольных дериватах даже преобладает: серб.-хорв. *gojiti* 1. ‘питать, откармливать (прежде всего о животных)’, устар. ‘угощать’, ‘удобрять почву’; 2. ‘растить, опекать, заботиться, пестовать, воспитывать’ (о растениях, животных, детях и др., например, чувствах, надеждах, ср. русск. *питать надежду, неприязнь* и т. п.): «Ово дижете ... сам чувао и *gojio* толико година» (Этого ребенка я воспитывал и пестовал столько лет); ‘питаться, толстеть, расти, развиваться’: «Твоја се срећа родила / Сунчаним зраком повила / Мјесецем сјајним *gojila* / Зв’јездама сјајним росила...» (Счастье твое родилось, солнечный свет его повидал, месяц ясный его пестовал, звезды ясные его орошали); *goj* 1. ‘воспитание, вскармливание, содержание’, 2. ‘спокойствие, мир’: «Уз своје тамбурице заиграли коло... да називљу *goj* и покој» (Под свои мандолины начали танец..., чтобы призвать мир и покой); *gojеnаc*, *gojеnиk* ‘воспитанник’ [РСХКНЈ, 3: 423—427]; словен. *gojiti* 1. ‘выращивать, ухаживать за растениями, животными и др.’; 2. ‘заниматься чем-нибудь (спортом, музыкой и т. п.)’, *gojеnec* ‘воспитанник’ [SSKJ, 1: 712—713]. Эта же семантика фиксируется в некоторых русских диалектных словарях, ср. сев.-русс. *гойть* ‘заботиться о ком-либо’, ‘ухаживать, ходить за кем-либо (ребенком, скотиной и др.)’ [СГРС, 3: 64]; сиб. ‘то же’: «Как же я не буду *гойть* свою мать — я сын ей!», «Коня *гойть*, шерeditь надо» [СРГС, 1: 249—250]; арханг. ‘заботиться о ком-н., чем-н., ухаживать за кем-н., чем-н., беречь’: «Мать-то стала управлять и говорит: я пойду скота *гойть*», «Опять старуха ослепела, за йей ухот надо, шчѣ поделаш, надо йейе *гойть*» [АОС, 9: 216]⁸.

⁸ В этом и близких значениях употребляются также глаголы с исходным значением ‘естественных’ действий — ‘ходить’ (ср. *ухаживать, выхаживать, уход* за больным, ребенком и т. п.) и ‘смотреть’: русск. *присматривать, смотреть за детьми*, диал. *смотря* ‘няня’, ‘кормилица’ [СРНГ, 39: 51], блр. *глядзець, даглядаць* ‘ухаживать за детьми, стариками, больными’: «Нэ маю дачки, то нэма кому мэна і *гледіеті*»; ‘кормить, вскармливать, воспитывать’: «Цяпер добра дзяцей *глядзяць*, німа што сказаць»; ‘пасти, ухаживать за скотом, птицей’ «Я куранят буду *глядзець*», «Нада пчол *глядзець*»; ‘соблюдать’:

Показателен семантический спектр соотносительных с глаголом имен **gojъ*, **gojъnъ*, во многих случаях более определенно проявляющий мотивы, разрабатываемые глаголом (с добавлением оценочных значений). Кроме закономерных *nomina abstracta* (типа словен. *goj* ‘уход, возвращение, разведение’, русск. диал. *гой* ‘уход, присмотр’), это, с одной стороны, мотивы изобилия, богатства (ст.-чеш. словац. *hoj* ‘изобилие, избыток’, чеш. *hojný* ‘частый, обильный, богатый’, укр. *гойний* ‘щедрый, роскошный’), с другой — мотивы любви, радости, мира, спокойствия, красоты, чистоты, совершенства (укр. диал. *гой* ‘радость, забава’, русск. диал. *гойный* ‘видный, красивый, величавый’, ‘чистый’; блр. *гойна* ‘старательно, хорошо’, серб.-хорв. *goj* ‘мир, спокойствие’, *gojni* ‘спокойный, мирный’⁹). Все эти смыслы находятся в близком или более отдаленном коннотативном поле самого глагола **gojiti* и могут быть связаны с ним цепью элементарных семантических переходов.

Таким образом, глагол **gojiti* представляет (хотя и с иными акцентами) тот же семантический ряд, что и предыдущие глаголы, за исключением одного звена: в нем крайне слабо по сравнению с другими глаголами прослеживается мотив поддержания, содержания, обеспечения жизни, поскольку главный акцент делается на ее «улучшении, усовершенствовании». При этом этимологически **gojiti* интерпретируется как каузатив к глаголу **žiti*.

Лексическое поле питания-воспитания включает еще ряд глаголов, для которых ни пищевая, ни воспитательная семантика не являются основными. Тем не менее им такая семантика не чужда, а в некоторых случаях она занимает существенное место в системе их значений. Мне уже приходилось по другому поводу писать о глаголах **xorniti*, **pasti*, **bergti*, **stergti*, основным и древнейшим значением которых является ‘хранить, беречь, защищать, спасать’ [Толстая 2009]. Эта семантика хорошо согласуется с мотивами возвращивания, воспитания, пестования, ухода, заботы; гораздо труднее согласовать ее с мотивами физического питания, кормления, пищи. Между тем все они, одни в большей, другие в меньшей степени, имеют в своем спектре также и пищевую семантику. Представим краткие иллюстрации к сказанному.

6. **xorniti*. Этот глагол с преобладающим значением ‘защищать, охранять’ является основным глаголом питания в сербскохорватском и словенском языках, ограниченно употребителен в этом значении также в болгарском и македонском. Ср. серб.-хорв. *hrana* ‘еда, пища’, ‘материнское молоко’, *hraniti* ‘кормить, питать’ [RHSJ, 3: 679—682], словен. *hrana* ‘пища, еда, питание’, *hraniti* ‘кормить’: «*Mati hrani otroke*» (Мать кормит детей), *hranitev* ‘кормление, содержание’, *hranitelj* ‘кормилец’ и т. д. [SSKJ, 1: 824—825]; болг. *храня* ‘питать, кормить’: «Землята *храня* растения» (Земля питает растения), ‘содержать, иметь на содержании’, *храня ся* ‘питаться, кормиться, быть кормленным’, *храна* ‘пища, корм для скота’, *хранени* ‘холеный, откормленный’ [Геров, 5: 508—509]. Наличие пищевой семантики у слов этого гнезда также в кашубском и полабском — кашуб. *xarna* ‘сухая трава (корм низкого качества)’, *xarńisty* ‘богатый травой (кормом)’, полаб. *chorna* ‘пища’, *chornět* ‘кормить’ [Sychta, 2: 23; SEK, 2: 285—286; Фасмер, IV: 266; ЭССЯ, 8: 79] — дает основание говорить об этой семантике как об исходной для праславянского:

Архаичность формы и значения можно констатировать, далее, в целом для праслав. **xorna* ‘пища, питание, корм’. Эта констатация важна для правильной оценки отношения форм **xorna* и **xorniti*: глагол, конечно, произведен от имени, а не наоборот <...>, что особенно очевидно для глагольных значений ‘кормить, питать’. Но это же относится и к **xorniti* в значении ‘хранить, беречь’; следует признать родство обоих значений и развитие в данном случае ‘кормить, питать’ > ‘беречь, хранить’. Ср. аналогичное семант. развитие у **gojiti* <...>. Попытка полного разграничения значений ‘кормить’ и ‘беречь’ и особая этимология для **xorna* ‘охрана’ <...> маловероятна с разных точек зрения [ЭССЯ, 8: 77].

«Унучкі глядзелі чыстату» [СПЗБ, 1: 453] и т. п. Примеры подобного развития значений можно найти и в других славянских языках (например, болг. *отглеждам* ‘воспитывать’, *отглеждане* ‘воспитание’).

⁹ Ср. русск. диал. ю.-сиб. *гойть* ‘успокаивать’: «Гойть значит также угомонить» [СРНГ, 6: 280].

Семантику ‘заботиться, следить, ухаживать, пестовать (о детях и стариках)’ и далее ‘воспитывать’ у глагола **xorniti* можно, таким образом, считать производной не только от пищевого значения, но и от вторичного по отношению к нему значения ‘беречь, хранить’: русск. диал. *сохраняться* ‘быть на попечении, под наблюдением кого-л.’: «На печке русской наши дети сидели, *сохранялись* с бабкой, а мы работали» [СРНГ, 40: 85]; серб.-хорв. *hraniti* ‘заботиться, держать при себе’, ‘воспитывать, растить (о детях)’, ‘почитать (о стариках)’: «*Rani majka devet mili sina, ranila ih dok ih odranila*» (Растит мать девять славных сынов, растила их, пока их не взрастила) [RHSJ, 3: 682].

Глагол **xorniti* находится в отношении семантического параллелизма с рассмотренным выше глаголом **xovati* (среди совпадающих у них значений особенно значимы ‘прятать, хранить, сохранять’ и ‘хоронить, погребать’), однако в других сферах они могут заметно расходиться, как, например, в сфере разведения скота: у **xovati* это один из главных блоков значений, тогда как у **xorniti* примеров подобного употребления довольно мало: русск. диал. *сохранение* ‘выхаживание молодняка (животных)’: «За *сохранение* по два трудодни с поросенка» [СРНГ, 40: 84]; кашуб. *xarno* ‘стадо (особенно овец и коров)’ [Sychta, 2: 23]. Это же можно сказать о семантике воспитания: здесь **xorniti* тоже не может сравниться с **xovati*, от которого образованы основные «воспитательные» лексемы в западнославянских, украинском и белорусском языках. В своем наиболее распространенном круге значений данные глаголы употребляются в одних и тех же клишированных оборотах разных славянских языков и диалектов, ср. польск. *chować w tajemnicy*, словац. *chovať tajomstvo* [SRPS, 1: 225] — русск. *хранить тайну*; польск. устар. *chować milczenie* — русск. *хранить молчание*, польск. *Chroń Boże! Chowaj Boże!* (Храни Господь! Спаси Божел!) — русск. *Господи, спаси и сохрани*, чеш. *chovat jako oko v hlavě* — русск. *хранить (беречь) как зеницу ока* и т. п. Ср. также древние формулы, в которых данные глаголы приобретают значение ‘быть верным чему-л., блюсти’ типа русск. *хранить (верность, слово, клятву, тайну* и т. п.) [Иванов 2007]; здесь, как и во многих других значениях, обнаруживается синонимия этих глаголов с *держат*, ср.: *держат слово, держат скот, держат себя ‘вести себя’* и др.

7. **pasti*. К ряду праславянских глаголов, имеющих отношение к сфере питания-кормления, относится и глагол **pasti*, который в славянских языках представлен двумя столь далекими друг от друга семантическими сферами — ‘пасти скот’ и ‘спасать, запастись, опасаться’, — что они заставляли исследователей сомневаться в этимологическом единстве этого глагола, имеющего (в обоих своих значениях) надежные индоевропейские соответствия [Топоров 1959; Иванов 1961; 2007]. Семантика кормления в гнезде **pasti* во всех славянских языках закрепились прежде всего за сферой животноводства (‘пасти скот’), но в разных славянских языках фиксируются и более широкие значения пищи и кормления: ср. русск. диал. *спасать, спасти* ‘скормить, израсходовать на корм скоту’ [СРНГ, 40: 117]; сев.-русск. *спасать* ‘кормить (скот)’: «До чего дошли — скота белым хлебом *спасаем*», «Балечек <овец> пошла *спасать*» [КСГРС]; дон. *пасцись* ‘есть’: «Там *пасцуться* медведи» (едят ягоды), ‘собирать пыльцу (о пчелах)’: «Все пчелы отправились *пасцись*» [СРНГ, 25: 263], урал. *пасенье* ‘подножный корм’ [Малеча, 3: 138]; укр. карпат. *пасци* ‘пасцись, есть подножный корм; пасти’: «Уже вівці встанот — уже йдуть *пасци*», *спасци* ‘съесть (подножный корм)’: «Деся корова зайде в траву и йи не *спасе*, а лиш потолочит» [Николаев, Толстая 2001: 140]; кашуб. *pastev* ‘корм для скота (сено, солома)’, *napasc* ‘накормить’ [Sychta, 4: 39—40]; ст.-словац. *pastva* ‘еда, корм для скота’, ‘духовная пища’: «*pastwu slova tneho darug (Bože)*» (духовную пищу слова твоего даруй, Господи) [HSSJ, 3: 483]. По некоторым версиям, «пищевая семантика» для **pasti* (как и для **xorniti*) является этимологически исходной, ср. [Фасмер, III: 215—216; БЕР, 5: 80—82; ЕСУМ, 4: 309; Snoj 2003: 497], другие этимологи связывают первичное значение этого праславянского и индоевропейского глагола с семантикой наблюдения, слежения [Иванов 1961], откуда далее значение ‘охраны, защиты’ (характерное и для гнезда **xorniti*), претерпевшее в гнезде

**pasti* дальнейшее (вполне логичное) развитие в сторону ‘спасать’ (ср. русск. *спаси и сохрани; спаси Господи и храни Господь*, диал. *Бог пасет*, т. е. хранит, бережет, *Боже паси!* [СРНГ, 25: 262] и т. д.). Спектр значений этого гнезда, отмечаемых в словарях славянских языков и диалектов, включает оба этих круга значений: ср. болг. диал. *паса* ‘есть траву (о скоте)’ и ‘следить, наблюдать (за кем-н.)’: «*Пасъл и Ступан две моми, две съмудиви...*» (Следил и Ступан за двумя девами, двумя самодивами (народная песня)); *изпаса* ‘проедать (о моли)’; *изпасва са, изпасува са* ‘погибать, бесследно исчезать (о скоте)’ [БЕР, 5: 80—82]; чеш. *propásti* ‘не заметить, пропустить’ [PSJČ, 4/1: 1180]; словац. диал. *pást, pástiť* ‘стеречь кого-л., что-л., следить за кем-л., чем-л.’: «*Daj pozor, ľebo pasú ro ľebe*» (Смотри, а то поспежу за тобой) [SSN, 2: 746].

Семантика защиты, охраны, опеки и слежения, наблюдения, соблюдения объединяет **pasti* с **xorniti* и **xovati*; этот параллелизм распространяется и на формулы со значением «держать, хранить слово, обещание, тайну». Древнейшим славянским подтверждением этого параллелизма может служить содержащееся во втором из словенских Фрейзингенских (Брижинских) отрывков (X—XI в.) выражение *roti kojihže ne pasem, nu ję pręstopam* ‘роты (клятвы), коих я не соблюдаю, но их нарушаю’. Этой формуле посвятил специальную статью В. Н. Топоров [1959], показавший, что здесь отражено архаическое значение праславянского глагола **pasti*, а именно значение ‘защищать, охранять, беречь, блюсти’, находящее подтверждение в тех же Фрейзингенских отрывках: *ili eže jesam ne spasal neděla, ni svęta večera, ni męga posta...* ‘или если я не соблюдал неделю (воскресенье), ни святого вечера, ни своего поста’. Это значение показывает родство славянской формулы с соответствующими хеттскими и тохарскими формулами (хетт. *uttar pašš-* ‘блюсти, держать слово, наказ’), что позволяет реконструировать праславянское сочетание **pasti rotę* в значении ‘соблюдать, держать клятву’; см. также [Иванов 1961; 2007].

Семантическую деривацию от значения ‘наблюдать, следить’ к ‘беречь, охранять’ и далее к более узкому значению ‘охранять, пасти скот’ демонстрируют глаголы **bergti*, **stergti* и их дериваты. Но в этих гнездах представлена и семантика питания-кормления, которая не выводится столь непосредственно из их первичного значения, как в случае **pasti*.

8. **bergti*. У этого глагола при исходном и главном значении ‘беречь, хранить’ отмечены следующие «пищевые» значения: русск. диал. (псков., новгор., твер.) *беречь* ‘гостеприимно принимать, угощать, потчевать’; псков. «Прощайте! Спасибо, что *берегли*» (1852); «Нечем мне тебя *беречь*: кур нету, а то яиц бы сготовила»; 2. ‘лежать, миловать, холить’: «Уж так-то старики внучку-то *берегут*, что лучше и не надо»; 3. (у охотников) ‘не пропустить зверя’: «*Береги зайца*» [СРНГ, 2: 258]; *береженный* 1. ‘хорошо выкормленный, жирный’ (твер.), 2. ‘сбереженный, скопленный’: «Денежка *бережена*»; *береженьице* ‘воспитание’: «Вам спасибо пятьюдесятью / За хорошо *береженьице*» (олонец.) [Там же: 248]; псков. *беречь* 1. ‘угощать’, 2. ‘проявлять заботу, оберегать’; 3. ‘содержать в целостности, сохранности’; 4. ‘растить, воспитывать’ [ПОС, 1: 182—183]; *берёга* 1. ‘хорошее угощение’: «У нас плохая *берёга*»; ‘кормление скота’: «А каровам раньшэ во кака была *бярёга*: на ночь аржаной саломы дам, а патом пойва с пялам, а малака была больша»; 2. ‘усердный уход за кем-, чем-л.’; 3. ‘бережливость, аккуратность’ [Там же: 173—174]; *бережсоха* 1. (о корове) ‘хорошо выкормленная’, 2. (о женщине) ‘бережливая’ [Там же: 176]; твер. *выберег (выберега) скота* ‘кормля и холя, уход и домашний корм’ [Даль: *выберегать*].

9. **stergti*. Подобное сочетание «пищевых» (в широком смысле) и «охранительных» значений отмечается и у глагола *стеречь*: русск. забайкал. *стерезить* ‘стряпать, готовить что-л.’; *стеречь* ‘пасти скот’: «Ребята погнали лошадей *стеречь*» (курск.); «У нас *стерезут* коров на бударке (заливной луг)» (ворон.); *стеречи* 1. ‘охранять, караулить, стеречь’; 2. ‘пасти скот’: «Нанялся скотину *стеречи*» (орлов.) [СРНГ, 41: 148—149]. Внутренняя связь этих значений основана на общности бенефакционной цели: накормить и защитить — это

значит «каузировать существование, жизнь»; первое призвано обеспечить человека или скот жизненным ресурсом, второе — устранить препятствия и угрозы жизни.

Таким образом, сочетание значений ‘кормить’ и ‘беречь, защищать’, свидетельствуемое несколькими праславянскими (общеславянскими) глаголами, можно считать закономерным и мотивированным. Если в гнезде **xorniti* пищевые значения наиболее непосредственно связываются с семантикой защиты (и далее — сохранения, сбережения) через идею, так сказать, каузации жизни (ср. в разных языках глагол *жить* ‘давать, сообщать жизнь, жизненные силы’), то в гнезде **xovati* эти два смысла («пища» и «защита») соединяются в значении ‘пасти скот, кормить его, выхаживать’ и далее ‘растить, разводить (домашних животных)’. Устойчивость этой связи подтверждает семантический спектр глагола **pasti*, в котором оба значения — ‘пасти, кормить (скот)’ и ‘хранить, охранять, спасать’ — являются широко распространенными (ср. русск. *пасту, пастух, пастбище* и *спасту, запасту, запасы*), и особенно развитие вторичных «пищевых» значений у глаголов **bergti* и **stergti* с исходной семантикой ‘беречь, защищать’.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что каждое из двух понятийных полей — питания и воспитания — имеет в славянских языках свое лексическое оснащение и свои характерные мотивы, среди которых пересекающиеся (общие) мотивы занимают определенное место. В лексическом поле питания-кормления, включающем праславянские гнезда **ed-* (*еда, есть*), **kьrm-* (*корм, кормить*), **pit-* (*питать, пища*), **trav-* (польск. *strawa*), **sy-* (*сытый, насыщать*), **xorn-* (ю.-слав. *храна, хранити*, кашуб. *xarna*), **pas-* (*пасту, паша*), **živ-* (польск. *pożywanie*, чеш. *živiti*), **sil-* (польск. *posiłek*), **krěp-* (польск. *krzepić*), мотивы воспитания присутствуют прежде всего основным «пищевым» глагольным гнездам **pitati* и **kьrmiti*; в меньшей степени гнездам **xorniti* и **pasti*; остальные гнезда «пищевого поля» этих мотивов не знают. С другой стороны, в лексическом поле воспитания, основными составляющими которого являются русск. *воспитание*, укр. *виховання*, блр. *выхавання*, польск. *wychowanie*, чеш. *výchova*, словац. *výchova, vzdelanie*, болг. *възпитание*, макед. *образование*, серб. *образовање*, босн. *obrazovanje*, хорв. *odgoj*, словен. *izobraževanje, vzgoja*, с мотивами питания непосредственно связаны дериваты **pitati*, **xovati* и **gojiti*, обслуживающие большую часть «воспитательной» лексики славянских литературных языков и диалектов.

Иначе говоря, отправляемся ли мы от лексики питания или от лексики воспитания, мы неизбежно приходим к одним и тем же мотивам, причем связь между двумя понятийными сферами обеспечивается органичным для обеих сфер комплексом понятий защиты, опеки, вскармливания, содержания, т. е. обеспечения жизни. Этот комплекс так или иначе присутствует во всех лексико-этимологических гнездах, но в одних из них он оказывается вторичным, производным от питания (как в **pitati*, **kьrmiti*, **xorniti*), а в других, наоборот, он оказывается мотивирующим для питания (как в **bergti*, **stergti*), в третьих он совмещает в себе питание и защиту, охрану, наблюдение (как в **xovati*, **godovati*, **pasti*). Важным для всего рассматриваемого здесь семантического поля является различие объектов воздействия: кормление-питание-содержание людей вообще, детей, стариков или домашних животных, растений, поддержание и развитие каких-то областей внутренней жизни человека, его чувств, состояний или его деятельности, занятий (*питать неприязнь, пасту скот, хранить молчание, хранить тайну*). В разных языках и разных контекстах какие-то из этих различий могут оказываться значимыми, а могут нейтрализоваться или группироваться тем или иным способом: одни значения могут быть общими для человека и животных, другие — для животных и детей, для животных и растений и т. п.

Вся затронутая здесь область в целом представляет собой нечто вроде объемной семантической сети, связывающей разные семантические микросистемы, в узлах которой концентрируются смыслы, значимые для каждой из них. Когда лексико-семантическое пространство расширится до общеславянских пределов, мы столкнемся с системностью иного типа, чем когда мы ограничены материалом одного языка. Иной смысл приобретают понятия синонимии, многозначности, семантического параллелизма, семантической деривации и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1 — / Под ред. Гецово́й О. Г. М., 1980—. [*Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. No. 1—. Getsova O. G. (ed.). Moscow, 1980—.]
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1948—1965. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A dictionary of Modern Standard Russian]. Vol. 1—17. Moscow, 1948—1965.]
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1 — / Съст. Георгиев В. И. София, 1971—. [*Bălgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian etymological dictionary]. Vol. 1—. Georgiev V. I. (comp.). Sofiya, 1971—.]
- Виноградов 1994 — Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. С. 5—38. [Vinogradov V. V. The word and its meaning as objects of historical lexicography. Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Tolk, 1994. Pp. 5—38.]
- Виноградов 1995 — Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5—34. [Vinogradov V. V. The word and its meaning as objects of historical lexicography. *Voprosy jazykoznanija*. 1995. No. 1. Pp. 5—34.]
- Геров — Геров Н. Речник на българския език с тълкуване речите на български и руски. Т. 1—5. Пловдив, 1895—1904. [Gerov N. *Rechnik na bălgarskiya ezik s tălkuvane rechite na bălgarski i ruski* [A dictionary of the Bulgarian language with interpretations in Bulgarian and Russian]. Vol. 1—5. Plovdiv, 1895—1904.]
- Гринченко — Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Т. 1—4. Киев, 1907—1909. (Київ, 1958—1959). [Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [A dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1—4. Kiev, 1907—1909. (Kii'v, 1958—1959).]
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1986—. Т. 1—. [Gistarychny slownik belaruskaj movy [A historical dictionary of the Belorussian language]. Minsk, 1986—. Vol. 1.]
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. 3-е изд. СПб.; М., 1912. [Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [An explanatory dictionary of the live Great Russian language]. Vol. 1—4. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow, 1912.]
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1—6. Київ 1982—2012. [*Etymologichnyj slovnyk ukrai'ns'koi' movy* [An etymological dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1—6. Kii'v, 1982—2012.]
- Иванов 1961 — Иванов Вяч. Вс. К этимологии русского *пасту* // Сборник статей по языкознанию. Памяти заслуженного деятеля науки проф. М. В. Сергиевского. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 105—119. [Ivanov Vyach. Vs. Towards the etymology of the Russian *pasti*. *Sbornik statei po yazykoznaniiyu. Pamyati zaslužennogo deyatelya nauki prof. M. V. Sergievskogo*. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1961. Pp. 105—119.]
- Иванов 2007 — Иванов Вяч. Вс. Из индоевропейской обрядовой терминологии. «Хранить слово» // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 43—50. [Ivanov Vyach. Vs. From the Indo-European ceremonial terminology. «Khranit' slovo». *Vostok i Zapad v balkanskoi kartine mira. Pamyati V. N. Toporova*. Moscow: Indrik, 2007. Pp. 43—50.]
- КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера». Екатеринбург¹⁰. [*Kartoteka «Slovarya govorov Russkogo Severa»* [The card index of the Dictionary of dialects of the Russian North]. Ekaterinburg.]
- КЧДС — Картотека чешского диалектного словаря. Брно. [*Kartoteka cheshskogo dialektneho slovarya* [The card index of the Czech dialect dictionary]. Brno.]
- Малеча — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1—4. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002—2003. [Malecha N. M. *Slovar' govorov ural'skikh (yait'skikh) kazakov* [A dictionary of the dialects of the Ural (Yaik) cossacks]. Vol. 1—4. Orenburg: Orenburgskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 2002—2003.]
- Мургоски 2005 — Мургоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. [Murgoski Z. *Rechnik na makedonskiot jazik* [A dictionary of the Macedonian language]. Skopje, 2005.]
- Николаев, Толстая 2001 — Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001. [Nikolaev S. L., Tolstaya M. N. *Slovar' karpatoukrainskogo torun'skogo govora* [A dictionary of the Carpatho-Ukrainian Torun dialect]. Moscow, 2001.]

¹⁰ Материал любезно предоставлен Е. Л. Березович.

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Л., 1967—. [*Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. No. 1—. Leningrad, 1967—.]
- РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1—3. София, 1951—1959. [*Rechnik na savremenniya balgarski knizhoven ezik* [A dictionary of the modern literary Bulgarian language]. Vol. 1—3. Sofiya, 1951—1959.]
- РСХКЈ — Речник српскохрватског књижевног језика. Књ. 1—3. Нови Сад; Загреб, 1967—1969; Књ. 4—6. Нови Сад, 1971—1976. [*Rechnik srpskokhrvatskog knizhevnoг jezika* [A dictionary of literary Serbo-Croatian]. Vol. 1—3. Novi Sad; Zagreb, 1967—1969; Vol. 4—6. Novi Sad, 1971—1976.]
- РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1—. Београд, 1959—. [*Rechnik srpskokhrvatskog knizhevnoг i narodnoг jezika* [A dictionary of literary and vernacular Serbo-Croatian]. Vol. 1—. Belgrade, 1959—.]
- САР — Словарь Академии Российской (1789—1794). Т. 1—6. М., 2001—2005. [*Slovar' Akademii Rossiiskoi (1789—1794)* [A dictionary of the Russian Academy]. Vol. 1—6. Moscow, 2001—2005.]
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1—12. Вологда, 1983—2007. [*Slovar' vologodskikh govorov* [A dictionary of Vologda dialects]. No. 1—12. Vologda, 1983—2007.]
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1— / Под ред. Матвеева А. К. Екатеринбург, 2001—. [*Slovar' govorov Russkogo Severa* [A dictionary of the dialects of the Russian North]. Vol. 1—. Matveev A. K. (ed.). Ekaterinburg, 2001—.]
- СОГ — Словарь орловских говоров. Вып. 1—4. Ярославль, 1989—1991; Вып. 5—. Орел, 1992—. [*Slovar' orlovskikh govorov* [A dictionary of Orel dialects]. No. 1—4. Yaroslavl', 1989—1991; No. 5—. Orel, 1992—.]
- СПГ — Словарь пермских говоров. Т. 1—2. Пермь, 2000—2002. [*Slovar' permskikh govorov* [A dictionary of Perm' dialects]. Vol. 1—2. Perm', 2000—2002.]
- СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1—5. Мінск, 1979—1986. [*Slownik belaruskikh gavorak pavnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha* [A dictionary of the Belorussian dialects of the north-western Belarus' and its borderzone]. Vol. 1—5. Minsk, 1979—1986.]
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1—6 / Гл. ред. Герд А. С. СПб., 1994—2005. [*Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [A dictionary of the Russian dialects of Karelia and cross-border regions]. Vol. 1—6. Gerd A. S. (ed.). St. Petersburg, 1994—2005.]
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. Федорова А. И. Т. 1—5. Новосибирск, 1999—2006. [*Slovar' russkikh govorov Sibiri* [A dictionary of the Russian dialects of Siberia]. Fedorov A. I. (ed.). Vol. 1—5. Novosibirsk, 1999—2006.]
- Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1903. [*Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on the basis of written records]. Vol. 1—3. St. Petersburg, 1893—1903.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М.; Л., 1965—. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 1—. Moscow; Leningrad, 1965—.]
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1—11. Смоленск, 1974—2005. [*Slovar' smolenskikh govorov* [A dictionary of Smolensk dialects]. No. 1—11. Smolensk, 1974—2005.]
- СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1—4. СПб., 1847. [*Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* [A dictionary of the Church Slavonic and Russian languages compiled by the Second department of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1—4. St. Petersburg, 1847.]
- Толстая 2006 — Толстая С. М. «Разноосновные» глаголы в русском языке // *Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2006. S. 365—372. [Tolstaya S. M. «Heterostemmed» verbs in Russian. *Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2006. Pp. 365—372.]
- Толстая 2009 — Толстая С. М. 'Кормить' и 'хоронить' (к семантической реконструкции славянской погребальной лексики) // *Studia etymologica Brunensia*. 6. Praha: Lidové noviny, 2009. S. 341—355. [Tolstaya S. M. 'Kormit' i 'khoronit' (about semantic reconstruction of Slavic funeral lexicon). *Studia etymologica Brunensia*. Vol. 6. Praha: Lidové noviny, 2009. Pp. 341—355.]
- Топоров 1959 — Топоров В. Н. Slovenica // Вопросы славянского языкознания. 1959. Вып. 4. С. 90—99. [Toporov V. N. Slovenica. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*. 1959. No. 4. Pp. 90—99.]

- ТС — Тураўскі слоўнік. Т. 1—5 / Сост. Крывіцкі А. А., Цыхун Г. А., Яшкін І. Я. Мінск, 1982—1987. [*Turawski slownik* [Turov dictionary]. Vol. 1—5. Kryvicki A. A., Cyhun G. A., Jashkin I. Ja. (comp.). Minsk, 1982—1987.]
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1—5. Мінск, 1977—1984. [*Tlumachal'ny slownik belaruskaj movy* [An explanatory dictionary of the Belorussian language]. Vol. 1—5. Minsk, 1977—1984.]
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I—IV. М., 1964—1973. [*Fasmer M. Etimologičeskii slovar' russkogo jazyka* [An etymological dictionary of the Russian language]. Translation from German and addendum by Trubachev O. N. Vol. I—IV. Moscow, 1964—1973.]
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 1— / Под ред. Трубачева О. Н. М., 1974—. [*Etimologičeskii slovar' slavyanskikh jazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond* [An etymological dictionary of the Slavic languages. Protoslavonic lexicon]. Vol. 1— / Trubachev O. N. (ed.). Moscow, 1974—.]
- Bartoš 1906 — Bartoš F. *Dialektický slovník moravský*. Praha, 1906.
- Boryś 2005 — Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.
- Brückner 1957 — Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1957.
- ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1—. Praha; Brno, 1989—.
- HSSJ — *Historický slovník slovenského jazyka*. Т. 1—. Bratislava, 1991—.
- Kellner 1949 — Kellner A. *Východolašská nářečí*. Brno, 1949.
- PSJČ — *Příruční slovník jazyka českého*. Т. 1—8. Praha, 1935—1957.
- RHSJ — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. D. 1—23. JAZU. Zagreb, 1880—1976.
- SEK — Popowska-Taborska H., Boryś W. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. Т. 1—6. Warszawa, 1994—2010.
- SGP — *Słownik gwar polskich*. Т. 1—. Kraków, 1979—.
- Snoj 2003 — Snój M. *Slovenski etimološki slovar*. 2 izd. Ljubljana, 2003.
- SRPS — Isačenko A. V. *Slovensko-ruský prekladový slovník*. Т. 1—2. Bratislava, 1950.
- SSKJ — *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Knj. 1—5. Ljubljana, 1970—1991.
- SSN — *Slovník slovenských nářečí*. Т. 1—. Bratislava, 1994—.
- Sychta — Sychta B. *Slovník gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Т. 1—7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967—1976.
- Šivic-Dular 1999 — Šivic-Dular A. *Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jezikih*. Ljubljana: Založba ZRC, 1999.
- WSPR — Hessen D., Stypuła R. *Wielki słownik polsko-rosyjski*. Warszawa; Moskwa, 1967.

Статья поступила в редакцию 02.09.2015.